

УДК 811:133.3

Г. И. Берестнев, Я. А. Мальцева

ТРАНСЦЕНДЕНТНОСТЬ ЯЗЫКА ПРОФЕТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

Показано, что язык пророческих текстов отличается от естественного языка стремлением выйти за пределы обычных языковых категорий. Вскрываются механизмы такого выхода.

The author maintains that the language of prophetic texts differs from natural language in the propensity to go beyond the limits of regular language categories. The mechanisms of this process are identified.

25

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, пророческие тексты, семантика, семиотика, символ, метафора, референция, культура.

Key words: cognitive linguistics, prophetic texts, semantics, semiotics, symbol, metaphor, reference, culture.

В настоящее время пристальное внимание исследователей, работающих в русле когнитивной парадигмы, привлекают объекты, принципиально ярко показывающие познавательные способности человека. К числу таковых относятся пророческие тексты — более или менее сложные высказывания, формулирующие знания их автора относительно событий будущего, которые не могут быть заранее спрогнозированы.

Язык пророческих текстов имеет ряд особенностей, проистекающих из их функциональной направленности. В частности, это о б р а з н о с т ь, благодаря которой содержание конкретного пророческого текста не осмысливается человеком рационально, а внутренне переживается. В связи с этим для текстов такого рода характерны метафоры и метонимии, а на основе присущей им образности может развиваться и символическая значимость их семантических составляющих. При этом подобные символические пророчества могут быть вербальными — в них соответствующие символические образы репрезентируются языковыми средствами, — но могут быть и невербальными, непосредственно-объектными или даже акциональными [3, с. 27]. Примеры подобных пророчеств отмечаются в православной старческой традиции:

Пюхтицкая блаженная старица Елена однажды дала схимонахине Сергии ржавую вилку, держа ее вверх оставшимися двумя зубцами, и сказала: «Бери, бери, тебе пригодится!» Очень скоро ту сестру перевели со скотного двора и назначили регентом. Сергия тут же вспомнила, что вилка та напоминала по виду камертон, и поняла: старица Елена предсказала ей регентство [7, с. 101].

Однажды, когда отец Иоанн (Кронштадтский) служил литургию в церкви московского военного учреждения, в алтарь вошел молодой офицер Павел Плиханков. Отец Иоанн неожиданно подошел к офице-

ру, поцеловал его руку, не сказав ни слова, и вернулся к престолу. Присутствующие при этом решили, что молодой человек будет священником. Через несколько лет Павел действительно бросил военную службу и ушел в Оптину пустынь [7, с. 144].

Эта черта языка пророческих текстов, имеющая всеобщий характер и являющаяся, по сути, своеобразной когнитивной универсалией, показывает, что их язык функционально ориентирован на выполнение некой уникальной познавательной сверхзадачи — вывод ментальности человека за пределы языка и обращение к области «невывыказываемого». Возможна и иная точка зрения на данную ситуацию: посредством образности и символичности естественный язык выходит за собственные пределы и «схватывает» недоступные обычному выражению содержания будущего. Имея это в виду, Л. Витгенштейн писал: «В самом деле, существует невысказываемое. Оно *показывает* себя — это мистическое» [5, с. 72]. Сказанное дает основание полагать, что образность (символизм, метафоричность) пророческих текстов — проявление их трансцендентности естественным дискурсивным содержаниям, ориентированности на категории, «иные» по отношению к обычным языковым (см.: [2, с. 321]).

Как представляется, однако, символизм и метафоричность пророчеств — не единственный способ их трансцендирования за содержательные пределы языка. Выполнять эту функцию способны и некоторые механизмы, действующие внутри него самого. Суть данных механизмов составляют снятие некоторых функционально-грамматических противопоставлений, характерных для того языка, на котором содержание пророчеств представляется как истинностное, и расширение / упрощение его грамматики. Эта задача решается, в частности, посредством особо широких с точки зрения референтной принадлежности эпитетов, отсутствием дифференцированности межъязыковых параллелей, снятием омонимии в сфере имен собственных и др. (см.: [9, с. 19]). Рассмотрим далее, как именно и в каких функционально-грамматических аспектах это происходит.

1. Расширения, обусловленные общей семиотической полифункциональностью лексемы (неразличение имен собственных и имен нарицательных). Этот механизм характерен для пророчеств, в которых одна и та же лексема имеет разный знаковый статус и поэтому может пониматься одновременно и как имя собственное (ИС), и как имя нарицательное (ИН). При этом зачастую единственный признак, указывающий на такие свойства лексемы, лежит лишь в сфере графики — в наличии (либо отсутствии) прописной буквы в ее начале. В звучащей же речи, т.е. в непосредственном пророческом акте, семиотический статус подобных лексем остается неясным. Это обстоятельство обусловлено общей природой ИС и ИН, а также их отношением друг к другу. В частности, между ними отсутствует четкая граница, в результате чего некоторые слова как бы «балансируют» на грани ИС и ИН; граница между ИС и ИН «скользит», наблюдается своеобразная градация ИС, они переходят в ИН [12, с. 7–8]. Вместе с тем ИС и ИН имеют и вполне отчетливые различия [4, с. 105–106, 206–209, 216]. Так, ИН называет класс объектов, а ИС называет единичный объект и указывает на него, ИС имеет своей целью идентифицировать объект, а ИН обычно содер-

жит коннотативный признак. Отмечается также, что ИС не связано с понятием, «основное значение собственного имени заключено в его связи с денотатом» [11, с. 473], тогда как ИН связано прежде всего с понятием.

Именно общие черты ИС и ИН составляют первоначальную предпосылку для семантических расширений в пророчествах. Затем различающие признаки ИС и ИН делают это расширение более актуальным. И именно вследствие такого расширения адресату пророчества предстоит решить ряд вопросов: конкретный единичный объект или некий класс объектов называет данная лексема; упомянутый в пророчестве объект должен быть только идентифицирован или важны также связанные с ним коннотации; можно ли пренебречь мотивацией той или иной лексемы или же она сохраняет свою актуальность?

Подобное содержательное расширение, обусловленное общей семиотической полифункциональностью слова, иллюстрирует следующий пример.

Спартанец Фаланф был основателем колонии в одном из вражеских городов. Однажды, когда его отправляли для продолжения колонизации в Италию, пришло предсказание из Дельф о том, что он овладеет страной, когда почувствует дождь, идущий с чистого неба (ἕτερόν αὐτὸν αἴσθησεν ὅτι αἰῆρα τῆνικαῦτα καὶ χάραν κτήσεσθαι καὶ πλῖν) [10, 11. X. 6]¹. Не спросив дальнейших пояснений у толкователя, он отправился в поход, победил в сражении, но все же не мог взять ни одного города и завладеть Италией. Тут Фаланф вспомнил о пророчестве и решил, что бог предсказал ему невозможность победы, ведь с чистого неба дождя не бывает. Жена всячески пыталась утешить павшего духом мужа: она положила его голову себе на колени и стала гладить. Из любви к мужу она заплакала. Когда слезы потекли у нее обильнее и стали капать на голову Фаланфа, он вдруг понял предсказание: Эфра (греч. ὁ αἰθήρη 'чистое небо') было имя его жены. И в ближайшую ночь он действительно взял у варваров самый большой и богатый город.

Можно увидеть, что категориальное расширение в рамках данного пророчества обеспечивается прежде всего референтным сдвигом, обусловленным функционально-семиотической неопределенностью слова ὁ αἰθήρη. Оно обусловлено также метафорическим уподоблением слез дождю в пророчестве. Рассмотрим действие этих механизмов несколько более подробно и с точки зрения познавательной деятельности человека.

Концепты «дождь» и «небо» входят в сознании человека в единый фрейм. Действия, которыми божество наделяет объект ὁ αἰθήρη, внешне вполне соответствуют обычным представлениям человека о мире: капли дождя падают с неба. Таким образом, в общем прагматическом аспекте данный текст не отмечен какими-либо семантическими нарушениями. Прагматическая правильность, задающая естественный вектор его интерпретации, дополнительно поддерживается отсутствием нарушений в его грамматической структуре. Исходя из этого спартанец Фаланф решил, что в данном тексте все слова имеют апеллятивный характер, т.е. божество действительно говорит о чистом небе (др.-греч. ὁ αἰθήρη).

¹ Ссылки на источники [6; 10] даются с опорой на их внутреннюю рубрикацию.

Однако на самом деле оракул называл имя его жены. Понимание этого Фаланфом было затруднено действием в языке общесемиотических факторов: данная лексема перешла из апеллятива в разряд имен собственных с сохранением исходных грамматических характеристик с естественной в подобных условиях утратой мотивации. Помимо этого, как гласит теория, «собственное имя есть языковое образование, по форме своей призванное функционировать как индивидуальный знак в кругу тех, кто знает и употребляет его» [4, с. 105]. В рассматриваемой ситуации имя собственное *Эфра* — вследствие закрепленного в языке за лексемой $\acute{o} \alpha\lambda\theta\eta$ также апеллятивного значения — было вовлечено в дополнительные функционально-семиотические отношения, что привело к расширению его функциональных свойств, а точнее — к появлению способности быть как индивидуальным идентифицирующим знаком, так и знаком вполне определенного фрагмента действительности.

2. Широкая референтная отнесенность эпитета. Этот механизм обеспечивается логическими свойствами лексики — способностью некоего «родового» эпитета относиться к неопределенно широкому множеству объектов в референтной сфере. И если не указывается дополнительная видовая характеристика необходимого референта в данном множестве, то он остается как бы «скользящим» и вследствие этого — широким, благодаря чему функциональная нагрузка подобного эпитета, а также фреймовая семантика соответствующего профетического текста позволяют интерпретатору определять описываемый объект лишь предположительно. И пока данный эпитет не свяжется с референтом, по отношению к которому он является видовым, профетизм не будет действительно разгадан. Рассмотрим это положение на следующем примере.

Согласно Геродоту, мидийский царь Крёз, готовясь к войне с персами, отправился в Дельфы, чтобы спросить совета у оракула. Пифия предрекла ему следующее: «Если ты пойдешь войной на персов, то сокрушишь великое царство». Крёз обрадовался этому пророчеству и начал войну, но потерпел в ней поражение. Впоследствии выяснилось, что на самом деле эпитетом «великое» Пифия наделила царство самого Крёза, а не его противника, персидского царя Кира [6, I, 53].

В данном случае прямо не указывается название царства, но приводится его существенная характеристика — оно «великое». При этом неправильное понимание Крёзом содержания пророчества было предопределено прагматическими установками в его сознании. Он готовился начать войну с Киrom, к которому относился с большим уважением и завоевания которого действительно считал великими. Таковыми они были и на самом деле: ко времени описываемых событий Кир завоевал всю Мидию, сразу после них — Лидийское царство самого Крёза, затем греческие города Малой Азии, значительную часть Средней Азии, Вавилонию. Однако Крёз забыл в этих обстоятельствах о том, что его собственное царство объективно также было великим: оно распространялось почти на весь Малоазийский полуостров, о его богатстве слагали легенды. Широкая референтная отнесенность этого эпитета и стала основанием для неверного истолкования пророчества.

3. Снятие функционально-семантических различий у слов, принадлежащих близким историческим диалектам. Разоренные много-

численными войнами мессенцы отправили послов в Дельфы с вопросом о возможности их спасения. Пифия дала такой ответ: «Если трагос напьется воды извилистой Неды (река в Мессенской области. — Г. Б., Я. М.), / Больше мессенскую землю спасти от бед не могу я: / Близкая гибель грозит ей и день истребления» [10, 4. XX. 1]. Мессенцы верно отметили в этом пророчестве ключевой характер слова \acute{o} τράγος, которое у эллинов имело значение 'козел', и стали бдительно следить, чтобы козлы не напились из Неды. Однако у самих мессенцев этим словом называлась дикая смоковница, которая во время описываемых событий росла на берегу Неды и ветвями своими уже почти касалась ее вод. Как повествует Павсаний, некий житель Мессении по имени Феокл, обратив на это внимание, понял истинный смысл пророчества, которое и сбылось: мессенцы были окончательно разбиты в войнах. В данном примере мы наблюдаем снятие различий в значениях слова *трагос* в близких диалектах. С точки зрения обычного носителя языка происходит некая игра, которая дополнительно поддерживается метафорой «напиться».

Таким образом, явление, которое породила данная ситуация, можно определить в формальном плане как своеобразную «междиалектную омонимию», которая и стала причиной содержательной неоднозначности пророчества. Рассматривая пример, следует отметить и то обстоятельство, что пророчество, данное оракулом мессенцам, было обращено к конкретному народу и касалось именно его судьбы. В связи с этим использование в пророчестве слова \acute{o} τράγος так, как оно функционировало в распространенном в Мессении дорийском диалекте, видится вполне естественным и закономерным.

4. Омонимия собственных имен (отождествление географических названий). Общее функционально-знаковое свойство слов-омонимов составляет их связь с принципиально разными референтами — этим и обеспечиваются надежные основания их различия в концептуальном плане. Так омонимы показывают себя с точки зрения «сильной семантики». С точки же зрения внутриязыковой омонимия определяется по таким критериям, как грамматический, словообразовательный, семантический (см.: [1, с. 183–185]). При этом в отношении ИН омонимия обычно снимается в контекстах. В сфере же ИС, имеющих иную по сравнению с ИН функционально-знаковую природу, омонимия проявляет себя иначе. В силу того что имена собственные функционируют как средство идентификации объектов в референтной сфере, их омонимия фактически разрушает эту функциональность, не позволяет понять, какой именно объект из ряда именуемых таким образом называется в данном случае.

Существуют прорицания Дельфийского оракула и оракулов из других городов, в текстах которых причиной подобного референтного сдвига стало топонимическое тождество. Теоретически адресат пророчества мог даже знать о наличии идентичных названий местностей (но мог и не подозревать об этом). Однако у него не было никаких дополнительных сведений, которые позволили бы точно идентифицировать названный оракулом объект.

В частности, тождеством названий различных местностей был введен в заблуждение Ганнибал, вождь карфагенян. По словам Павсания,

Ганнибалу от оракула Амона (Зевса) пришло предсказание, что когда он умрет, будет покрыт ливийской землей [10, 8. XI. 10—11]. Так у Ганнибалы появилась надежда, что он разрушит власть римлян и, вернувшись домой в Ливию, окончит жизнь в преклонных годах. Однако в то время, когда Ганнибал искал союзников в других землях, произошло следующее: вскакивая на коня, он поранил мечом палец и через несколько часов умер от лихорадки. Землю же, на которой он умер и в которой был похоронен, местные жители называли «Ливией». Однако это была не родная Ливия Ганнибалы, а совсем другая — область в Никомедии.

Таким образом, в данном пророчестве возникла ситуация топонимической омонимии, которая и стала причиной референтного сдвига в сознании Ганнибалы. Полководец не мог заранее знать, о какой именно местности говорит оракул, поскольку не знал иноязычной топонимии.

Аналогичная по своей языковой сути история произошла с жителями Афин. По словам Павсания, им пришло прорицание из Додоны (где также находился оракул) о том, что они должны заселить Сицилию [10, 8. XI. 12]. Позже выяснилось, что Сицилией называется еще и небольшой холм недалеко от Афин. Афиняне же, не поняв истинного смысла этого указания, начали войну с сиракузянами и потерпели поражение.

Итак, стремление за семантические и категориально-грамматические пределы естественного языка — едва ли не самая характерная черта языка пророчества. Не будет преувеличением считать, что данная черта делает его «языком иной действительности». При этом язык пророчества ориентирован на референтную сферу, и обычные сдвиги в референции в пророческих текстах составляют внешнее проявление трансцендентности их языка естественному языку, на котором они излагаются. Тем не менее пророчества в своей содержательности обнаруживают некую инвариантную часть: неизменной в них остается опора на наиболее общие функционально-знаковые свойства языка. Следует еще раз отметить и то, что в рассмотренных и в подобных им примерах ключевые образные фигуры фактически сближаются с символами. В силу объемности символической семантики язык оракулов оказывается неточным в означивании референтных сфер.

Исследование выполнено при поддержке РФНФ, грант № 10-04-00452а «Когнитивная структура пророческих текстов в сопоставительном аспекте (античная и русская традиции)».

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды : в 2 т. М., 1995. Т. 1: Лексическая семантика.
2. Берестнев Г.И. Слово, язык и за их пределами. Калининград, 2008.
3. Берестнев Г.И. Мифы о русских православных пророчествах // Балтийский регион: миф в языке и культуре : матер. междунар. науч. конф. Калининград, 2010. С. 26—35.
4. Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. М., 1993.
5. Витгенштейн Л. Философские работы : в 2 ч. М., 1994. Ч. 1.
6. Геродот. История. Л., 1972.
7. Православные подвижницы XX столетия. М., 2009.
8. Мальцева Я.А. Когнитивные основания референтных сдвигов в античных оракулах // Вестник Московского лингвистического университета. 2009. Вып. 571.

Когнитивная лингвистика: Традиции и инновации в работах молодых ученых. Ч. 2. С. 262 – 273.

9. *Мальцева Я.А.* Язык и когнитивная структура пророческих текстов: античная и русская традиции : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2011.

10. *Павсаний.* Описание Эллады : в 2 т. М., 2002.

11. *Подольская Н.В.* Собственное имя // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

12. *Топоров В.Н.* Из области теоретической топонимистики // Вопросы языкознания. 1962. №6. С. 3 – 12.

Об авторах

Геннадий Иванович Берестнев — д-р филол. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.

E-mail: berest-gen@mail.ru

Яна Александровна Мальцева — канд. филол. наук, секретарь настоятеля храма в честь прп. Серафима Саровского, Светлогорск Калининградской обл.

E-mail: j.maltseva@yahoo.ru

About authors

Prof. Gennady Berestnev, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

E-mail: berest-gen@mail.ru

Dr. Yana Maltseva, assistant to the rector of the Church of Saint Seraphim of Sarov, Svetlogorsk, Kaliningrad region.

E-mail: j.maltseva@yahoo.ru